

очертания, стал Волынским переулком, с выходящими и входящими людьми, с полузавешенными занавесями окнами, с читающими или просто сидящими друг над другом усталыми людьми; и я не знаю, куда мне идти: в кусочек растения под увеличительным стеклом или в Волинский переулок, где я живу. Так не один и тот же я там и здесь, под увеличительным стеклом в куске растения в <в> вечернем дворе? Вселенная на вопрошания мои тиха» (СП. IV.200).

В этом отношении наиболее показательна стихотворная драма (или драматическая поэма) Хлебникова «Взлом Вселенной». Исходный мотив ее мы находим в той же драме «Чортик»:

«А вот девушка, подходящая к пропасти, чтобы кинуть нечто, лежащее на ладони. Но! Это живое не только живое, но и целый народ. Да, он несом в пропасти, раздираемый междуусобиями» (СП. IV.217).

В отличие от драмы Брюсова «Земля» и «Мистерии-Буфф» Маяковского, с которыми «Взлом Вселенной» постоянно перекликается, эта драма разворачивается в нескольких пространствах, которые в одно и то же время вполне тождественны и совершенно различны. Если у Брюсова и Маяковского при всей фантастичности содержания художественная конструкция все же сохраняет предметную объективность и абсолютность данного драматического пространства, то здесь перед нами какая-то сплошная относительность: внешнее путем непрерывного перехода становится внутренним, а внутреннее внешним, как на ленте Мебиуса. Сутью сюжета как раз и оказывается это непрерывное переворачивание, выворачивание наизнанку драматических пространств.

Основное действие происходит одновременно в голове Ученика и в голове Девушки, но Девушка эта — не что иное, как Вселенная. Смысл драмы заключается в том, что чистым усилием мысли можно воздействовать на Мировую Волю. Мыслью, персонифицированной в драме в образах Воинов, берущих приступом «замок звезд» — «умный череп вселенной», можно выйти из себя и изменить судьбы мира.

Пришелец! ты ворвался
В этот мир
И, если ручку повернешь,
Спасешь любимую тобой коровку божью.
Может быть, красное существо — ваш народ
И ваша родина. Тогда умом и только мыслью
Спасенье народу принесешь.
.....
Повернул. Готово.
Опять все то же в мире теновом.
Но жук положен на цветок,
И если это родина моя,
Она вновь спасена.
.....
Мама! у меня был сон тяжелый
И кто-то был сильнее меня,
И волю мою изменил.
И божью коровку я спасла...

(СП. III.99)

Вся эта мифопоэтическая фантастика, конечно, заставляет вспомнить и гераклитовскую Вечность — играющее дитя, и платоновскую Ананку — Необходимость, между колен которой вращается ось мира, и трех мойр, держащих в руках человеческие судьбы, и всю вообще пространственно-смысловую структуру античного космоса. Но главное, на что нужно обратить здесь внимание, это сам принцип, который движет всей этой драматической машиной мифологического сознания.